

Оригинальная статья

УДК 159.99

Особенности переживания вины и стыда у лиц с саморазрушающим поведением

Сергей Владимирович Горбатов

Региональный центр судебной экспертизы
(Санкт-Петербург, Россия)
s.gorbatov@bk.ru

ORCID: 0000-0003-3842-9956

Елена Николаевна Арбузова

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
e.arbuzova@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-1643-0529

Вера Владимировна Тураносова

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
v.turonosova@spbu.ru

ORCID: 0009-0007-0925-118X

Аннотация

Введение. В работе раскрывается роль стыда и вины в регуляции поведения лиц, демонстрирующих склонность к самоповреждению. **Методы исследования.** В целях решения поставленных задач в исследовании использованы такие методики, как «Опросник вины» К. Куглера, У. Х. Джонса, «Опросник чувств и эмоций» (PFQ2), Шкала регуляции эмоций (DERS-16), краткая версия опросника личностных расстройств для DSM-5 (PID-5-BF), опросник «Ауто- и гетероагрессия» (Е. П. Ильин). **Результаты.** В работе приводятся результаты сравнительного эмпирического исследования молодых женщин (средний возраст 22,5 лет) в трех группах общей численностью 139 человек: группа занимающихся несуицидальным самоповреждением, группа страдающих от расстройства пищевого поведения (РПП) (склонных к модификации своего тела за счет голодания и следования специальным диетам) и контрольная группа молодых женщин, не имеющих поведенческих отклонений. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что молодые женщины, склонные к самоповреждающему поведению, чаще, чем респонденты контрольной группы, испытывают интенсивные эмоции стыда и вины, выбирают неадаптивные способы эмоциональной регуляции, им свойственна аутоагрессия. В обеих группах респондентов, склонных к самоповреждению, переживание стыда и вины тесно связано с неадаптивными способами эмоционального регулирования, дисфункциональными чертами личности и направленностью агрессии на себя.

Ключевые слова

эмоции стыда и вины, самоповреждающее поведение, дисфункциональные черты личности, аутоагрессия

Для цитирования: Горбатов, С. В., Арбузова, Е. Н., Тураносова, В. В. (2025). Особенности переживания вины и стыда у лиц с саморазрушающим поведением. *Российский девиантологический журнал*, 5 (3), 414–432.

Original paper

Features of experiencing guilt and shame in individuals with self-destructive behavior

Sergey V. Gorbatov

Regional Forensic Center
(Saint Petersburg, Russia)
s.gorbatov@bk.ru

ORCID: 0000-0003-3842-9956

Elena N. Arbuzova

St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
e.arbuzova@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-1643-0529

Vera V. Turanosova

St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
v.turanosova@spbu.ru

ORCID: 0009-0007-0925-118X

Abstract

Introduction. The article reveals the role of shame and guilt in regulating the behaviour of individuals who demonstrate a tendency towards self-harm. **Research methods.** In order to solve these tasks, the authors used methods such as the Guilt Questionnaire by K. Kugler and W. H. Jones, the Feelings and Emotions Questionnaire (PFQ2), the Emotion Regulation Scale (DERS-16), the brief version of the Personality Disorder Inventory for DSM-5 (PID-5-BF), and the Auto- and Heteropression Questionnaire (E. P. Ilyin). **Results.** The authors present the results of a comparative empirical study of young women (average age 22.5 years) in three groups with a total of 139 participants: a group of individuals engaging in non-suicidal self-harm, a group of individuals suffering from eating disorders (EAD) (prone to modifying their bodies through fasting and following special diets), and a control group of young women with no behavioural abnormalities. The results of the study lead to the conclusion that young women prone to self-harming behaviour experience intense feelings of shame and guilt more often than respondents in the control group, choose maladaptive methods of emotional regulation, and are prone to autoaggression. In both groups of respondents prone to self-harm, feelings of shame and guilt are closely linked to maladaptive methods of emotional regulation, dysfunctional personality traits, and self-directed aggression.

Keywords

emotions of shame and guilt, self-harming behavior, dysfunctional personality traits, autoaggression

For citation: Gorbatov, S. V., Arbuzova, E. N., Turanosova, V. V. (2025). Features of experiencing guilt and shame in individuals with self-destructive behavior. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 5 (3), 414–432.

Введение

Среди явлений, часто сопутствующих психическому неблагополучию, выраженному в виде саморазрушающего поведения, исследователи называют нарушения эмоциональной регуляции, указывая в том числе на негативную роль, которую в процессе управления поведением играют отдельные эмоции или их комплексы (Падун, 2015; Лебединский и др., 1990; Акопян, 2019; Леженина, 2021; Пырьев, Очеретина, 2020; Антохина, Антохин, 2021). Связь эмоций, чаще негативных, с различными психопатологическими состояниями отмечается с зарождения научной психологии и психиатрии в работах Э. Клаппареда, П. Жане, С. Корсакова, Э. Крепелина и др. Тем не менее гипотеза о разрушительной функции эмоций не получила обоснованного подтверждения (Ильин, 2001). Отдельного внимания заслуживает анализ многочисленных клинических наблюдений, которые обнаруживают связь саморазрушения с переживанием страха, горя, гнева и других эмоций, имеющих глубокие филогенетические корни и не требующих работы самосознания. В то же время саморазрушение развивается в пространстве социального взаимодействия и в координатах моральных ориентиров личности, требующих осознания самого себя в отношениях к другим людям и к миру в целом. Мораль в этом смысле приобретает важную психологическую функцию контроля и регуляции социального поведения. В связи с этим актуальным представляется изучение того, какую роль в формировании саморазрушения выполняют такие моральные эмоции, как стыд и вина.

Традиционно стыд и вина рассматриваются как эмоциональные производные важного нравственного качества личности – совести. Одной из главных функций и стыда, и вины является регулирование поведения в целях поддержания и следования социальным нормам. Есть разные представления о сущности этих эмоций. На бытовом уровне эти эмоции плохо различимы. Так, Дж. Р. Дэвиц (Davitz, 1969) в свое время обратил внимание на то, что для описания этих двух эмоций используются одни и те же фразы и выражения. Д. Натансон (Nathanson, 1992) считает, что стыд лежит в основе вины. Близка к этому идея об их эволюционной преемственности при переходе контроля над поведением из внешнего плана во внутренний: страх → стыд → вина → совесть (Горнаева, 2012). В настоящее время большинство исследователей вслед за Хелен Б. Льюис (Lewis, 1971) считают, что эти эмоции имеют концептуальные различия. Есть несколько аспектов отличия вины от стыда. Например, чаще упоминается, что стыд имеет внешний локус, ориентированный на реальную или мнимую оценку субъекта окружающими, а вина имеет внутренний локус, сосредоточенный на нравственной самооценке поведения. Стыд переживается более остро и сопровождается реакцией отстранения, бегством, стремлением немедленного выхода из неприятной ситуации или агрессией по отношению к фрустратору. Вина, напротив, стимулирует примирительное поведение, потребность в раскаянии, исправлении ошибки, возмещении нанесенного ущерба. Стыд и вина по-разному влияют на оценку себя и оценку своих действий. Как утверждает Р. Т. Поттер-Эфрон (Поттер-Эфрон, 2002), стыд затрагивает центральную идентичность, целостную самость. В противоположность этому вина относится к специфическому актуальному или планируемому поведению. Различие в ориентации на самого себя или поведении приводит к совершенно разным когнитивным, мотивационным и аффективным характеристикам переживания этих эмоций. Роль вины и стыда в управлении поведением описывается противоречиво, часть работ подчеркивает их конструктивную роль: вина и стыд помогают снижать тревогу и избегать серьезных психических расстройств, способствуют адаптации в обществе (Алимов, 2013; Смотров, Чаплыгина, 2018; Фурманов, 2021). Другие работы отмечают деструктивную сторону: вина и стыд являются почвой для возникновения депрессии, играют ключевую роль в возникновении психопатологических симптомов, оказывают искажающее воздействие на социальную перцепцию, нарушают социальную адаптацию человека, препят-

ствуют межличностным контактам (Макогон, Ениколопов, 2015; Васильева, Короткова, 2004). Некоторые иностранные авторы (Harder et al., 1984; Kaplan, 1975; Lewis, 1971; Harder, Rockart, & Cutler, 1993) считают, что склонность к переживанию стыда и вины играет важную роль в формировании отдельных симптомов и поддержании различного рода клинических расстройств в целом, причем переживание стыда ведет к более серьезным последствиям, например, стыд значительно больше, чем вина, способствует появлению депрессивной симптоматики (Kim, Thibodeau, & Jorgensen, 2011). Заметим, что не только излишняя загруженность стыдом и виной, но и их очевидный недостаток обуславливают расстройство психической деятельности, например при аномалиях личности. Так, диссоциальное (антисоциальное) расстройство личности (DSM-5) среди прочего характеризуется отсутствием у таких лиц проявлений совести, вины и стыда (Хаэр, 2021).

Многие исследователи на основании клинического опыта приходили к выводу, что саморазрушающее поведение тесно связано с переживанием эмоций стыда и вины, например Дж. Бехлер (Baechler, 1979). У. Бриид (Breed, 1972) рассматривал стыд как один из пяти основных компонентов суицидального синдрома, наряду с приверженностью определенным действиям, жизненными неудачами, жесткими моделями мышления и социальной изоляцией. В соответствии с межличностной теорией самоубийства Т. Джойнера (Van Orden et al., 2010) переживание стыда, сопровождающее чувство брошенности и восприятие себя обузой, усиливает вероятность завершеного суицида. Э. Шнейдман писал, что самоубийцы, как правило, попадают в один из пяти кластеров психологических потребностей, которые отражают различные виды психологической боли. Один из кластеров – это «оскорбленное самовосприятие и избегание стыда, поражения, унижения и немилости, связанные с фрустрированными потребностями в привязанности, защите и избегании стыда» (Shneidman, 1996, p. 25).

Изучение предсмертных записок лиц, совершивших попытку самоубийства, и лиц, завершивших суицид (Brevard, Lester, & Yang, 1990), показало, что в текстах последних чаще встречались мотивы самообвинения. Похожее исследование в виде психологической аутопсии, проведенное Т. Фостер (Foster, 2003), позволило обнаружить, что наиболее распространенными темами предсмертных записок (в 74 %) были «извинения / стыд». Анализируя риторические стратегии предсмертных записок, Б. А. Месснер и Дж. Бакроп (Messner & Buckrop, 2000) с помощью метода, разработанного теоретиком литературы К. Берком, обнаружили, что люди, совершившие самоубийство, воспринимали свою жизнь как наполненную хаосом и болью, испытывая из-за этого стыд и вину. Анализ текстов предсмертных записок показал, что самоубийство рассматривается их авторами как средство, с помощью которого можно избавиться от тягостных переживаний стыда и вины и восстановить таким образом потерянный «контроль» и «порядок».

Дж. П. Тангней и Р. Л. Диринг (Tangney & Dearing 2002), анализируя результаты семейных опросов, сообщили о предварительных выводах, указывающих на то, что склонность к стыду у подростков является предиктором повышенного риска попыток самоубийства и злоупотребления психоактивными веществами. Ф. Оливье, А. Субеле и др. (Ollivier et al., 2022) провели тематический обзор исследований, посвященных склонности к суициду у тех, кто пережил травмирующие события, и тех, у кого было диагностировано посттравматическое стрессовое расстройство. Авторы пришли к выводу, что у этой категории пациентов переживания стыда и вины были вовлечены во все аспекты суицидальности. На основании эмпирического исследования лиц юношеского возраста Е. Н. Кочнова и др. считают, что выраженные переживания стыда тела у юношей и девушек могут использоваться в качестве «индикаторно-прогностического признака повышенного аутоагрессивного риска» (Кочнова и др., 2023). Исследования М. Викландер и др. (Wiklander et al., 2012) показывают, что склонность к стыду в разных

группах суицидальных лиц по-разному связана с попытками самоубийства. Наиболее значимая взаимосвязь переживания стыда с попытками самоубийства оказалась среди женщин, страдающих пограничным расстройством личности. Эти данные соответствуют мнению клиницистов о том, что при пограничном расстройстве личности стыд является эмоцией, тесно связанной с хронической суицидальностью, самоповреждающим поведением, гневом и импульсивностью (Lieb et al., 2004). Было даже высказано предположение (Crowe, 2004) о том, что пограничное расстройство личности может быть хронической реакцией стыда.

Не менее важную роль переживание стыда и вины играет в патогенезе такой формы саморазрушения, как самоповреждающее поведение. В расширенном понимании (Зайченко, 2009) сюда относят нанесение физического вреда своему телу путем самопорезов, самоизбиений и пр., не имеющих целью прекращение жизни (прежде всего НССП – несуицидальное самоповреждающее поведение), а также причинение себе вреда посредством нарушений пищевого поведения. Известный исследователь НССП Мэтью К. Нок (Nock, 2009) считает, что ключевыми для понимания самоповреждения являются механизмы, связанные с воздействием и регулированием эмоциональных реакций; одной из частых причин самоповреждения пациенты называют преодоление тяжело переживаемых эмоций (Taylor et al., 2018). Как считает Э. Д. Клонский (Klonsky, 2009), особенно важными для понимания причин самоповреждения являются эмоции вины и стыда. Самоповреждающее поведение подростков и детей, по мнению Л. Х. Глассман, М. Р. Вейрих и др. (Glassman et al., 2007), часто возникает как реакция на сильное чувство стыда из-за убежденности в несправедливости примененного к ним наказания. Р.-Дж. Миллиган и Б. Эндрюс (Milligan & Andrews, 2005), изучая причины саморазрушающего поведения женщин-правонарушительниц, находящихся в заключении, по результатам эмпирического исследования обнаруживают связь между самоповреждениями, пережитым ими в детстве сексуальным насилием и телесным стыдом. Дж. Дагган, Н. Хит и Т. Ху (Duggan, Heath, & Hu, 2015), проведя *лонгитюдное* исследование подростков, практикующих несуицидальное самоповреждение, констатировали у них более высокие показатели стыда за свое тело и проблемы эмоциональной регуляции, чем у их сверстников из контрольной группы.

С. Э. Бахтелле и К. М. Пеппер (Bachtelle & Pepper, 2015), обследуя студентов колледжа, ранее практиковавших самоповреждение, обнаружили, что высокие уровни стыда из-за появившихся шрамов создают у них высокую вероятность повторения самоповреждений, отвращения к себе и склонность к самонаказанию.

М. Шенлебер и Х. Беренбаум (Schoenleber & Berenbaum, 2012) предполагают, что несуицидальное самоповреждение является дезадаптивной стратегией управления и регуляции стыда, прежде всего при патологии личности, что согласуется со склонностью к саморазрушительной активности, например у лиц, страдающих пограничным расстройством личности.

Разницу влияния стыда и вины на несуицидальное самоповреждающее поведение у студентов колледжа обнаруживают С. Вандерхей, Дж. Рожан, Дж. Стюиг, П. Э. Макнайт (VanDerhei et al., 2014). По результатам эмпирического исследования авторы приходят к выводу, что стыд является релевантным фактором риска самоповреждения как для его первоначального возникновения, так и в плане увеличения частоты его повторений, в то время как переживание вины демонстрировало отрицательную связь с самоповреждающим поведением во всех его аспектах. Последнее позволило ученым сделать вывод о стыде как о провоцирующем факторе самоповреждения, а о вине – как о защитном и адаптивном факторе. Авторы систематического обзора работ, посвященных изучению взаимосвязи между стыдом, виной и самоповреждением, К. Шихи, А. Нурин, А. Халик, К. Дхингра и др. (Sheehy et al., 2019), обобщая результаты ряда исследований, приходят к выводу, что стыд положительно связан как с суицидальным поведением, так и с самоповреждениями, в то время как в отношении связи между чувством

вины и самоповреждениями в большинстве работ были получены неоднозначные результаты. Отечественные исследователи О. Б. Левковская, Ю. С. Шевченко, Л. Ю. Данилова, В. В. Грачев (Левковская и др., 2017) видят в этих эмоциях и терапевтический потенциал, так как среди мотивов к прекращению самоповреждения у наблюдаемых ими пациентов были выражены чувство стыда за шрамы на теле и стыд и вина перед близкими за причиненную им душевную боль.

Несмотря на ценность информации, содержащейся в указанных источниках, для понимания роли эмоций вины и стыда в саморазрушающем поведении ее явно недостаточно. Если взаимосвязь стыда с аутоагрессией получила в большинстве исследований подтверждение, то роль вины в этом плане остается неопределенной. Не ясен психологический механизм того, за счет каких стратегий управления и регуляции эмоции стыда и вины обнаруживают себя в саморазрушающем поведении. Во многих источниках указывается на связь переживаний стыда и вины у лиц, склонных к саморазрушению, с таким патологическим состоянием, как расстройство личности, однако сведений о взаимосвязи этих эмоций с выраженностью тех или иных дисфункциональных личностных черт нет.

Методы исследования

Для восполнения описанных выше пробелов нами было проведено сравнительное эмпирическое исследование переживания эмоций вины и стыда у молодых женщин с саморазрушающим поведением и женщин, не имеющих поведенческих отклонений. Исследование проходило в трех группах молодых женщин в возрасте от 18 до 32 лет (средний возраст – 22,5): практикующих самоповреждение (52 человека), страдающих от расстройства пищевого поведения (43 человека), в том числе с нервной анорексией (38 человек) и булимическими расстройствами на фоне анорексии (5 человек), а также в контрольной группе здоровых лиц (44 человека). Всего в исследовании участвовали 139 человек.

Обследование респондентов с саморазрушающим поведением, часть которых находилась под диспансерным наблюдением, а другая часть получала медицинскую помощь в стационарах, проходило в двух режимах: очно и в режиме онлайн посредством заполнения гугл-форм выбранных опросников. Взаимодействие с контрольной выборкой (в основном это были учащиеся вузов старших курсов и участницы групп социальных сетей, посвященных спорту и отдыху) проходило в онлайн-режиме путем заполнения гугл-форм.

Для подтверждения предположения о том, что переживание вины и стыда играет существенную роль в формировании саморазрушающего поведения, т. е. нарушает естественный ход психической деятельности, способствуя появлению аутоагрессии, а также что вина и стыд связаны с неконструктивными стратегиями эмоционального регулирования и дисфункциональными чертами личности, использовались следующие методы исследования:

1. «Опросник вины» К. Куглера, У. Х. Джонса (адаптация И. А. Белик) (Ильин, 2017).
2. «Опросник чувств и эмоций» (PFQ2), предназначенный для измерения склонности к стыду и чувству вины. Содержит субшкалы стыда и вины, α -Кронбаха соответственно 0,81 и 0,87. Перевод и пилотажная адаптация авторов. Вина и стыд в этом опроснике представлены как эмоциональные состояния.
3. Шкала регуляции эмоций (DERS-16) (адаптация Е. М. Абрамович) (Горбатов, Арбузова, Абрамович, 2021).
4. Краткая версия опросника личностных расстройств для DSM-5 (PID-5-BF) (адаптация Г. В. Кустова и др.) (Кустов и др., 2022).
5. Опросник «Ауто- и гетероагрессия» (автор Е. П. Ильин)¹.

¹ Ильин, Е. П. (2001). *Эмоции и чувства*: учебное пособие. ООО Издательство «Питер».

Анализ результатов исследования

Статистический анализ полученных данных проводился с помощью программы STATISTICA 12.0. Гипотеза о нормальном распределении переменных была подтверждена с помощью критерия Колмогорова–Смирнова.

Сравнительный анализ средних проводился с помощью t-критерия Стьюдента, а структурный анализ — на основе корреляции Пирсона.

На первом этапе проводился сравнительный анализ показателей стыда и вины в трех группах респондентов (таблица 1).

Таблица 1. Опросник чувств и эмоций (PFQ2)

Table 1. Feelings and Emotions Questionnaire (PFQ2)

Шкалы	НССП	РПП	Контрольная группа
Стыд	18,6	19,3	14,8
Вина	12,5	10,5	10,2

По результатам сравнения респонденты, страдающие расстройством пищевого поведения ($p \leq 0,004$) и практикующие несуицидальное самоповреждение ($p \leq 0,01$), чаще, чем респонденты контрольной группы, испытывают стыд. По шкале «Вина» значимо больше, чем в контрольной группе, вину испытывали женщины, практикующие самоповреждение ($p \leq 0,021$).

Далее приведены результаты сравнительного анализа показателей вины как состояния и черты личности, а также показателя приверженности моральным нормам (таблица 2).

Сравнение средних показателей между группами респондентов по опроснику К. Куглера показывает, что респонденты с НССП демонстрируют более высокие баллы по всем трем субшкалам опросника, чем респонденты контрольной группы: вина–состояние ($p \leq 0,019$), вина–черта ($p \leq 0,004$), моральные нормы ($p \leq 0,03$). В группе РПП значимо больше выражена вина–состояние ($p \leq 0,006$), а показатель приверженности моральным нормам значительно превосходит результаты в контрольной группы ($p \leq 0,00001$).

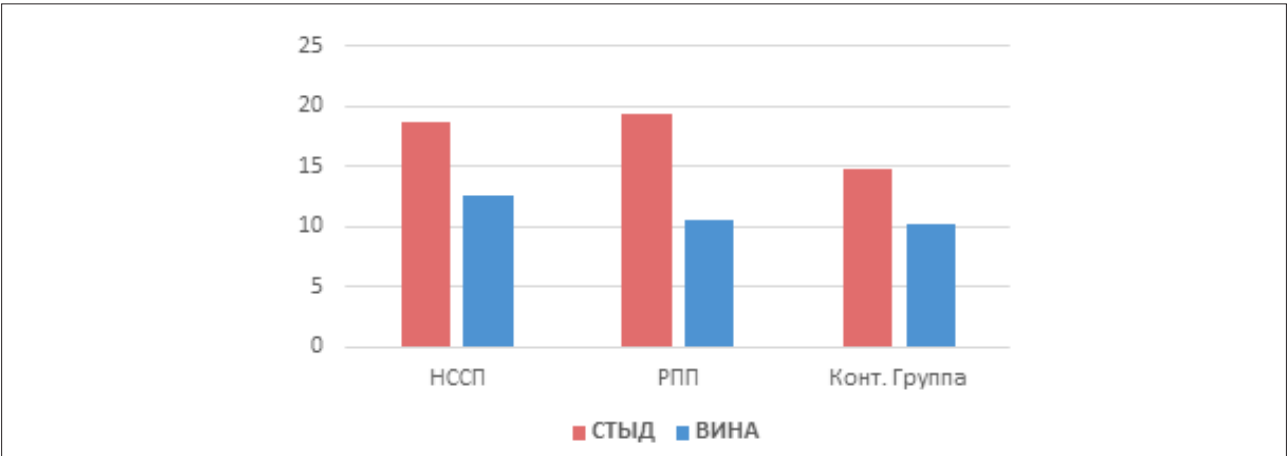

Рис. 1. Выраженность показателей стыда и вины PFQ2

Fig. 1. Expressiveness of PFQ2 shame and guilt indicators

Таблица 2. Опросник вины К. Куглера, У.Х. Джонса (показатели в %)

Table 2. K. Kugler and W.H. Jones Guilt Questionnaire (indicators in %)

Шкалы	НССП	РПП	Контрольная группа
Вина-состояние	58,6	61,2	48,8
Вина-черта	64,1	49,4	53,3
Моральные нормы	57,47	84,67	53,73

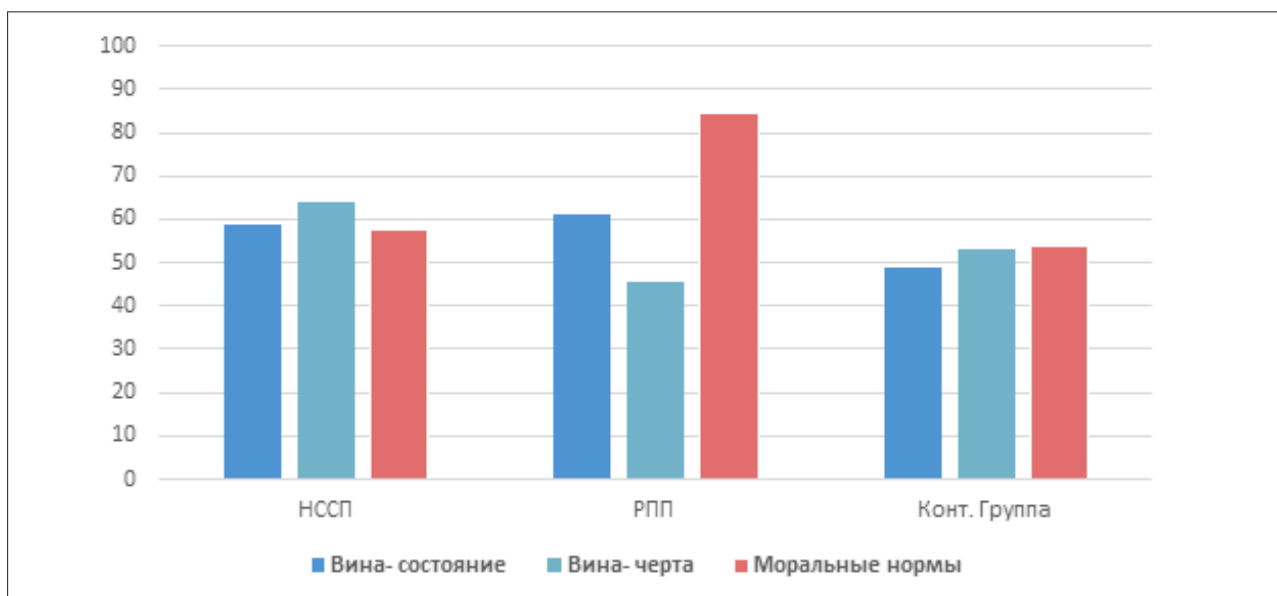

Рис. 2 Показатели вины, методика К. Куглера

Fig. 2 Guilt indicators according to K. Kugler's methodology

На следующем этапе проводился сравнительный анализ результатов по методике DERS-16 (таблица 3).

Таблица 3. Опросники DERS-16 и «Ауто-гетероагрессия»

Table 3. DERS-16 and "Auto-heteroaggression" questionnaires

Методики	Шкалы	Контрольная группа	НССП	РПП
DERS-16	ясность	5,6	6,8	7,2
	стратегии	13,3	16,3	15,9
	импульсивность	6,7	7,1	8,6
	непринятие	8,2	9,8	9,5
Е. П. Ильина	аутоагрессия	3,9	5,8	5,6

Таблица 4. Взаимосвязи показателей шкалы «Стыда» (PFQ2) у респондентов с НССП и РПП

Table 4. Correlations between the “Shame” scale (PFQ2) scores of respondents with NSSI and Eds

Методика	Шкалы методик	Группа НССП	Группа РПП
PID-5-BF	Негативный аффект		
	Отчуждение		0,44**
	Антагонизм		
	Расторможенность/дезингибиция	0,41**	
	Психотизм		
Опросник вины К.Куглера	Вина-состояние	0,51**	0,66**
	Вина-черта	-0,31*	
	Моральные нормы	0,68**	0,67**
DERS-16	Ясность	0,54**	0,48**
	Стратегии	0,56**	0,52**
	Цели	0,47**	0,49**
	Импульс	0,53**	0,57**
	Непринятие	0,41**	0,44**
Ауто- и гетероагрессии	Аутоагрессия	0,39**	0,39**
	Гетероагрессия		

Значимые корреляционные связи на уровне ** - 0,01 и * - 0,05

Анализ результатов обследования с помощью методики DERS-16 позволяет утверждать о неадаптивных способах реагирования на эмоциональный дистресс лиц с саморазрушающим поведением, в частности:

- по шкале «отсутствие эмоциональной ясности» значимо высокие результаты демонстрируют страдающие РПП ($p \leq 0,0008$);
- по шкале «ограниченный доступ к стратегиям регулирования эмоций» высокие баллы наблюдаются как у респондентов НССП ($p \leq 0,009$), так и у страдающих РПП ($p \leq 0,034$);
- по шкале «трудности импульсивного контроля» более высокие баллы у лиц с РПП ($p \leq 0,02$);
- по шкале «непринятие собственных эмоциональных реакций» высокие баллы у респондентов НССП ($p \leq 0,03$).

Результаты обследования с помощью опросника «Ауто- и гетероагрессия» показывают, что и респонденты с НССП ($p \leq 0,002$), и респонденты, страдающие РПП ($p \leq 0,01$), имеют высокие значения направленности агрессии на себя.

Анализ структуры корреляционных взаимосвязей в группах респондентов выявил, что стыд и вина обнаруживают тесные взаимосвязи с показателями дисфункциональных черт личности, стратегиями эмоциональной регуляции и характером направленности агрессии (таблица 4).

Далее представлены взаимосвязи показателей методики PFQ2 (таблица 5).

Как видно из таблицы 4, переживание стыда у респондентов с НССП связано с выраженностью таких дисфункциональных черт личности, как дезингибиция, т. е. склонность

Таблица 5. Взаимосвязи показателей шкалы «Вина» (PFQ2) у респондентов с НССП и РПП

Table 5. Correlations between indicators on the "Guilt" scale (PFQ2) scores of respondents with NSSI and Eds

Методика	Шкалы методик	Группа НССП	Группа РПП
PID-5-BF	Негативный аффект		
	Отчуждение		
	Антагонизм		
	Расторможенность/дезингибция	0,43**	0,38**
	Психотизм	0,35*	
Опросник вины К. Куглера	Вина-состояние	0,62**	0,69**
	Вина-черта		
	Моральные нормы	0,79**	0,84**
DERS-16	Ясность	0,53**	0,53**
	Стратегии	0,51**	0,47**
	Цели	0,35*	0,49**
	Импульс	0,44**	0,58**
	Непринятие	0,47**	0,47**
Ауто- и гетероагрессии	Аутоагрессия	0,51**	0,40**
	Гетероагрессия	-0,33*	

Значимые корреляционные связи на уровне ** - 0,01 и * - 0,05

к расторможенному импульсивному поведению, направленному на немедленное удовлетворение возникающих потребностей, а у лиц, страдающих РПП, стыд взаимосвязан с отчуждением, т. е. бегством от социального взаимодействия и подавлением эмоциональных переживаний.

Стыд у респондентов в двух группах с саморазрушающим поведением связан с актуальным переживанием чувства вины и приверженностью моральным нормам. В группе практикующих самоповреждение переживание стыда показывает слабую обратную связь с виной как устойчивой чертой личности. В обеих группах стыд положительно связан с неадаптивными способами эмоционального регулирования и направленностью агрессии на самого себя.

В группах склонных к саморазрушению переживание вины демонстрирует сходную со стыдом структуру корреляционных взаимосвязей (таблица 5), с дополнительным появлением у проявляющих склонность к самоповреждению слабых связей с некоторыми личностными чертами, такими как психотизм, т. е. склонность вести себя необычно, неадекватно и эксцентрично, и слабым снижением интенсивности агрессивных реакций, направленных на внешнее окружение.

Заключение

В целом результаты исследования позволяют утверждать, что молодые женщины, склонные к саморазрушающему поведению, значительно чаще испытывают эмоции стыда и чуть

менее интенсивно – вины, что еще раз подтверждает тенденцию, обнаруженную большинством зарубежных и отечественных авторов. Интересным представляется демонстрация этими респондентами выраженной приверженности моральным нормам, особенно у страдающих РПП. Последнее, на наш взгляд, может быть обусловлено особой значимостью для этих респондентов моральных норм, усвоенных в раннем детстве под влиянием запретов и ограничений со стороны родителей, что, в частности, влияет и на формирование ограничительного поведения в еде. Эти респонденты показывают ожидаемо высокие баллы агрессии, направленной на себя, а также более высокие показатели нарушения отдельных стратегий эмоциональной регуляции.

Важно, что интенсивность переживаний стыда и вины взимообусловлены патологическими дисфункциональными чертами личности, в частности, склонностью демонстрировать расторможенность (дезингибицию), а в случае переживания стыда лицами с РПП – отчуждение. Несмотря на предположение отдельных авторов об адаптивной роли эмоций вины, во всех группах респондентов вина, как и стыд, показывает тесную связь с аутоагрессией. Однако следует отметить существование некоторых слабовыраженных тенденций, которые могут указывать в пользу такого рода представлений. Так, обратная взаимосвязь у лиц с НССП переживания стыда с виной как чертой личности позволяет предполагать, что черта характера в виде предрасположенности испытывать вину может снижать у этих личностей интенсивность последствий переживания стыда. В то же время следует отметить, что у лиц с НССП актуальное переживание вины как состояния положительно взаимосвязано с переживанием стыда. Такая двойственность согласуется с результатами исследования И. А. Белик (Белик, 2006), которая, с одной стороны, находит существенные различия между виной и стыдом, с другой стороны, пишет, что между виной и стыдом имеется невысокая положительная корреляция. Можно предположить, что вина как состояние и как черта личности играют разные роли в регуляции поведения. В группе респондентов с НССП переживание вины снижает интенсивность внешнеагрессивных реакций, что условно может рассматриваться как адаптивная тенденция, но в то же время увеличивает направленность агрессивных реакций на себя, что согласуется с традиционным представлением о распределении направления агрессии при переживании негативных эмоций у лиц, склонных к саморазрушению.

Отметим, что результаты, полученные в нашем исследовании, имеют ограничения в связи с невысокой численностью групп респондентов и трудностями в дифференциации лиц с патологическими проявлениями, которые могут быть патогенетически связаны между собой, на что указывают, например, А. Фаваро, А. П. Сантонастасо (Favaro & Santonastaso, 2000). Т. Пол и др. (Paul et al., 2002). Вместе с тем полученные результаты обладают определенным практическим потенциалом и обнаруживают перспективу изучения роли социальных эмоций в формировании саморазрушающегося поведения, в том числе суицидального. Особое внимание в этом отношении следует уделить пациентам с выраженными дисфункциональными чертами личности, сочетающим интенсивное переживание вины / стыда с нарушениями в сфере эмоциональной регуляции поведения.

Список литературы

- Акопян, Л. С. (2019). Эмоциональные состояния как детерминанты суицидального поведения подростков. *Поволжский педагогический вестник*, 7 (1 (22)), 24–28.
- Алимов, А. А. (2013). Феномены стыда и вины как регуляторы социального поведения индивида в изменяющемся обществе. В *Современные проблемы и перспективы развития педагогики психологии: сборник материалов 2-й международной научно-практической конференции* (Махачкала, 30 сентября 2013 г., стр. 109–111). Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «Апробация».

- Антохина, Р. И., Антохин, Е. Ю. (2021). Эмоциональные схемы у подростков с суицидальными попытками. *Психиатрия и психофармакотерапия*, 23 (1), 16–19.
- Баженова, Л. В., Гаращук, С. С. (2021). Роль чувств вины и стыда в развитии нарушений пищевого поведения (в контексте кризиса среднего возраста). *Наукосфера*, 3-1, 79–83.
- Белик, И. А. (2006). *Чувство вины в связи с особенностями развития личности*: автореф. дис. ... канд. наук. Санкт-Петербург.
- Васильева, О. С., Короткова, Е. (2004). Особенности переживания вины в современном обществе. *Консультативная психология и психотерапия*, 12 (1), 48–73.
- Горбатов, С. В., Арбузова, Е. Н., Абрамович, Е. М. (2021). Регуляция поведения у молодых женщин, практикующих самоповреждение. В *Ананьевские чтения – 2021: материалы международной научной конференции* (Санкт-Петербург, 19–22 октября 2021 г., стр. 875–876). Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт».
- Горнаева, С. В. (2012). Вина и стыд в контексте психологической регуляции социального поведения личности. *Мир науки, культуры, образования*, 2 (33), 47–49.
- Зайченко, А. А. (2009). Самоповреждающее поведение. В Е. В. Буренкова (ред.), *Психология телесности: теоретические и практические исследования: сборник статей* (стр. 191–195). PsyJournals.ru.
- Ильин, Е. П. (2017). *Психология совести: вина, стыд, раскаяние*. Санкт-Петербург: ООО Издательство «Питер».
- Кочнова, Е. Н., Меринов, А. В., Володин, Б. Ю., Новиков, В. В. (2023). Аутоагрессивные характеристики юношей и девушек, испытывающих отчётливые переживания стыда собственного тела. *Суицидология*, 14 (1 (50)), 101–114. doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-01 (50)-101-114)
- Кустов, Г. В., Зинчук, М. С., Пашнин, Е. В., Войнова, Н. И., Попова, С. Б. и др. (2022). Изучение психометрических характеристик русскоязычной версии опросника PID-5-BF. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 19 (3), 521–542.
- Лебединский, В. В., Никольская, О. Г., Баенская, Е. Р., Либлинг, М. М. (1990). *Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция*. Москва: Издательство МГУ.
- Левковская, О. Б., Шевченко, Ю. С., Данилова, Л. Ю., Грачев, В. В. (2017). Феноменологический анализ несуйцидальных самоповреждений у подростков. *Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*, 117 (7), 10–15. <https://doi.org/10.17116/jnevro20171177110-15>
- Леженина, Т. И. (2021). Особенности эмоциональной сферы склонных к суициду подростков. В В. А. Липатов (ред), *Научная инициатива в психологии: межвузовский сборник научных трудов студентов и молодых ученых* (стр. 108–112). Курск: Курский государственный медицинский университет.
- Макогон, И. К., Ениколопов, С. Н. (2015). Апробация методики измерения чувств вины и стыда (Test of self-conscious Affect-3 - TOSCA-3) Tangney J. P., Dearing R. L., Wagner P. E. & Gramzow R. H. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 8 (1), 6–21.
- Падун, М. А. (2015). Регуляция эмоций и ее нарушения. *Психологические исследования*, 8 (39), <https://doi.org/10.54359/ps.v8i39.572>
- Поттер-Эфрон, Р. Т. (2002). *Стыд, вина и алкоголизм: клиническая практика*. Москва: Институт общегуманитарных исследований.
- Пырьев, Е. А. Очеретина, Ю. А. (2020). Эмоциональные мотивы суицидального поведения подростков. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 4, 596–609.

- Самсонова, Г. О., Языкова, Т. А., Агасаров, Л. Г. (2018). Психологические аспекты алиментарного ожирения (обзор литературы). *Вестник новых медицинских технологий*, 12 (3), 133–139. <https://doi.org/10.24411/2075-4094-2018-16027>
- Смотрова, Т. Н., Чаплыгина, А. А. (2018). Вина и стыд как регуляторы социального поведения. В Л. В. Кашицына (ред.), *Актуальные проблемы безопасности жизнедеятельности и физической культуры: сборник научных статей факультета физической культуры и безопасности жизнедеятельности* (стр. 224–230). Саратов: Издательство «Саратовский источник».
- Сычева, Т. Ю., Султанова, А. Н., Слугин, А. В., Кустова, Е. А. (2020). Клинико-психологические особенности лиц с нарушениями пищевого поведения. В М. Г. Чухрова (ред.), *Безопасность человека в экстремальных климато-экологических и социальных условиях: материалы XI международной научно-практической конференции* (Новосибирск, 05–08 мая 2020 г., стр. 159–165). Новосибирск: Сибирский институт практической психологии, педагогики и социальной работы.
- Фурманов, И. А. (2021). Стыд и вина как моральные регуляторы агрессивного поведения. В *Психологический Вадетесит: социализация личности в условиях неопределенности: региональный аспект: сборник научных статей* (стр. 30–33). Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова.
- Хаэр, Р. (2021). *Лишенные совести. Пугающий мир психопатов*. Москва: Издательство «Вильямс».
- Bachtelle, S. E., & Pepper, C. M. (2015). The Physical Results of Nonsuicidal Self-Injury: The Meaning Behind the Scars. *J Nerv Ment Dis*, 203 (12), 927–933. <https://doi.org/10.1097/NMD.0000000000000398>
- Baechler, J. (1979). *Suicides*. New York, NY: Basic Books.
- Berghold, K. M., & Lock, J. (2002). Assessing guilt in adolescents with anorexia nervosa. *Am J Psychother*, 56 (3), 378–390. <https://doi.org/10.1176/appi.psychotherapy.2002.56.3.378>
- Blythin, S. P. M., Nicholson, H. L., Macintyre, V. G., Dickson, J. M., Fox, J. R. E., & Taylor, P. J. (2020). Experiences of shame and guilt in anorexia and bulimia nervosa: A systematic review. *Psychol. Psychother*, 93 (1), 134–159. <https://doi.org/10.1111/papt.12198>
- Breed, W. (1972). *Five Components of a Basic Suicide Syndrome*. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 2 (1), 3–18. <https://doi.org/10.1111/j.1943-278X.1972.tb00451.x>
- Brevard, A., Lester, D., & Yang, B. J. (1990). A comparison of suicide notes written by suicide completers and suicide attempters. *Crisis*, 11 (1), 7–11.
- Burney, J., & Irwin, H. J. (2000). Shame and guilt in women with eating-disorder symptomatology. *J. Clin. Psychol*, 56 (1), 51–61. [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1097-4679\(200001\)56<51::Aid-Clin-Psych-10>3.0.Co;2-3](https://doi.org/10.1002/(sici)1097-4679(200001)56<51::Aid-Clin-Psych-10>3.0.Co;2-3)
- Cardi, V., Di Matteo, R., Gilbert, P., & Treasure, J. (2014). Rank perception and self-evaluation in eating disorders. *International Journal of Eating Disorders*, 47 (5), 543–552. <https://doi.org/10.1002/eat.22261>
- Cavalera, C., Pagnini, F., Zurloni, V., Diana, B., & Realdon et al. (2016). Shame proneness and eating disorders: a comparison between clinical and non-clinical samples. *Eat Weight Disord*, 21 (4), 701–707. <https://doi.org/10.1007/s40519-016-0328-y>
- Crowe, M. (2004). Never good enough, part 1: shame or borderline personality disorder? *J. Psychiatr. Ment. Health Nurs*, 11 (3), 327–334.
- Davitz, J. R. (1969). *The language of emotion*. New York: Academic Press.
- Diagnostic and statistical manual of mental disorders: DSM-5™, 5th ed.* (2013). <https://doi.org/10.1176/appi.books.9780890425596>
- Doran, J., & Lewis, C. A. (2012). Components of shame and eating disturbance among clinical and non-clinical populations. *Eur Eat Disord Rev.*, 20 (4), 265–270. <https://doi.org/10.1002/erv.1142>

- Duggan, J., Heath, N., & Hu, T. (2015). Non-suicidal self-injury maintenance and cessation among adolescents: a one-year longitudinal investigation of the role of objectified body consciousness, depression and emotion dysregulation. *Child Adolesc Psychiatry Ment. Health*, 9 (1), 1–12. <https://doi.org/10.1186/s13034-015-0052-9>
- Favaro, A., & Santonastaso, P. (2000). Self-injurious behavior in anorexia nervosa. *Journal of Nervous and Mental Disease*, 188 (8), 537–542. <https://doi.org/10.1097/00005053-200008000-00010>
- Foster, T. (2003). Suicide note themes and suicide prevention. *Int J Psychiatry Med*, 33 (4), 323–331. <https://doi.org/10.2190/T210-E2V5-A5M0-QLJU>
- Glassman, L. H., Weierich, M. R., Hooley, J. M., Deliberto, T. L., & Nock, M. K. (2007). Child maltreatment, non-suicidal self-injury, and the mediating role of self-criticism. *Behaviour Research and Therapy*, 45 (10), 2483–2490. <https://doi.org/10.1016/j.brat.2007.04.002>
- Harder, D. W., Rockart, L., & Cutler, L. (1993). Additional validity evidence for the Harder Personal Feelings Questionnaire-2 (PFQ2): a measure of shame and guilt proneness. *J. Clin. Psychol.*, 49 (3), 345–348.
- Harder, D. W., Strauss, J. S., Kokes, R. F., & Ritzler, B. A. (1984). Self-derogation and psychopathology. *Genetic Psychology Monographs*, 109 (2D Half), 223–249.
- Kaplan, H. B. (1975). Increase in self-rejection as an antecedent of deviant responses. *Journal of Youth and Adolescence*, 4, 281–292. <https://doi.org/10.1007/BF01537168>
- Kim, S., Thibodeau, R., & Jorgensen, R. S. (2011). Shame, guilt, and depressive symptoms: a meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 137 (1), 68–96. <https://doi.org/10.1037/a0021466>
- Klonsky, E. D. (2009). The functions of self-injury in young adults who cut themselves: Clarifying the evidence for affect-regulation. *Psychiatry Research*, 166 (2–3), 260–268. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2008.02.008>
- Lewis, H. B. (1971). *Shame and guilt in neurosis*. New York: International Universities Press.
- Lieb, K., Zanarini, M. C., Schmahl, C., Linehan, M. M., & Bohus, M. (2004). Borderline personality disorder. *Lancet*, 364 (9432), 453–461. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(04\)16770-6](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(04)16770-6)
- Messner, B. A., & Buckrop, J. J. (2000). Restoring order: Interpreting suicide through a Burkean lens. *Communication Quarterly*, 48 (1), 1–18. <https://doi.org/10.1080/01463370009385575>
- Milligan, R.-J., & Andrews, B. (2005). Suicidal and other self-harming behaviour in offender women: The role of shame, anger and childhood abuse. *Legal and Criminological Psychology*, 10 (1), 13–25. <https://doi.org/10.1348/135532504X15439>
- Nathanson, D. (1992). *Shame and Pride: Affect, Sex, and the Birth of the Self*. New York: Norton.
- Nock, M. K. (2009). Why do people hurt themselves? New insights into the nature and functions of self-injury. *Current Directions in Psychological Science*, 18 (2), 78–83. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8721.2009.01613.x>
- Ollivier, F., Soubelet, A., Duhem, S., & Thümmel, S. (2022). Shame and guilt in the suicidality related to traumatic events: A systematic literature review. *Front Psychiatry*, 13, 951632. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2022.951632>
- Oluyori, T. (2013). Research Paper A systematic review of qualitative studies on shame, guilt and eating disorders. *Counselling Psychology Review*, 28, 47–59. <https://doi.org/10.53841/bp-scpr.2013.28.4.47>
- Paul, T., Schroeter, K., Dahme, B., & Nutzinger, D. O. (2002). Self-injurious behavior in women with eating disorders. *Am J Psychiatry*, 159 (3), 408–411. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.159.3.408>
- Rockenberger, W., & Brauchle, G. (2011). The significance of shame in different diagnosis groups, with a focus on body shame. *Verhaltenstherapie*, 21 (3), 163–169. <https://doi.org/10.1159/000330732>
- Schoenleber, M. L. (2013). *Testing alternative motivational models for self-injurious behavior*: dissertation, pp.12–21. Urbana, Illinois.

- Schoenleber, M. L., & Berenbaum, H. (2012). Shame regulation in personality pathology. *Journal of Abnormal Psychology*, 121 (2), 433–446. <https://doi.org/10.1037/a0025281>
- Sheehy, K., Noureen, A., Khaliq, A., Dhingra, K., & Husain, N. et al. (2019). An examination of the relationship between shame, guilt and self-harm: A systematic review and meta-analysis. *Clin Psychol Rev.*, 73, 101779. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2019.101779>
- Shneidman, E. S. (1996). *The suicidal mind*. New York: Oxford University Press.
- Tangney, J. P., & Dearing, R. L. (2002). *Shame and guilt*. Guilford Press. <https://doi.org/10.4135/9781412950664.n388>
- Taylor, P. J., Jomar, K., Dhingra, K., Forrester, R., Shahmalak, U., & Dickson, J. M. (2018). A meta-analysis of the prevalence of different functions of non-suicidal self injury. *Journal of Affective Disorders*, 227, 759–769. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2017.11.073>
- Van Orden, K. A., Witte, T. K., Cukrowicz, K. C., Braithwaite, S. R., Selby, E. A., & Joiner, T. E. (2010). The interpersonal theory of suicide. *Psychological Review*, 117 (2), 575–600. <https://doi.org/10.1037/a0018697>
- VanDerhei, S., Rojahn, J., Stuewig, J., & McKnight, P. E. (2014). The effect of shame-proneness, guilt-proneness, and internalizing tendencies on nonsuicidal self-injury. *Suicide Life Threat Behav*, 44 (3), 317–330. <https://doi.org/10.1111/sltb.12069>
- Wiklander, M., Samuelsson, M., Jokinen, J., Nilsson, A., & Wilczek et al. (2012). Shame-proneness in attempted suicide patients. *BMC Psychiatry*, 12 (50). <https://doi.org/10.1186/1471-244X-12-50>

References

- Akopyan, L. S. (2019). Emocional'nye sostoyaniya kak determinanty suicidal'nogo povedeniya podrostkov. *Povolzhskij pedagogicheskij vestnik*, 7 (1 (22)), 24–28.
- Alimov, A. A. (2013). Fenomeny styda i viny kak regulatory social'nogo povedeniya individov v izmenyayushchemsya obshchestve. V *Sovremennyye problemy i perspektivy razvitiya pedagogiki psikhologii: sbornik materialov 2-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Mahachkala, 30 sentyabrya 2013 g., str. 109–111). Mahachkala: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Aprabaciya».
- Antohina, R. I., Antohin, E. Yu. (2021). Emocional'nye skhemy u podrostkov s suicidal'nymi popytkami. *Psihiatriya i psihofarmakoterapiya*, 23 (1), 16–19.
- Bazhenova, L. V., Garashchuk, S. S. (2021). Rol' chuvstv viny i styda v razvitii narushenij pishchevogo povedeniya (v kontekste krizisa srednego vozrasta). *Naukosfera*, 3-1, 79–83.
- Belik, I. A. (2006). *Chuvstvo viny v svyazi s osobennostyami razvitiya lichnosti: avtoref. dis. ... kand. nauk*. Saint Petersburg.
- Vasil'eva, O. S., Korotkova, E. (2004). Osobennosti perezhivaniya viny v sovremennom obshchestve. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psihoterapiya*, 12 (1), 48–73.
- Gorbatov, S. V., Arbuzova, E. N., Abramovich, E. M. (2021). Regulyaciya povedeniya u molodyh zhen-shchin, praktikuyushchih samopovrezhdenie. V *Anan'evskie chteniya – 2021: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* (Sankt-Peterburg, 19–22 oktyabrya 2021 g., str. 875–876). Saint Petersburg: ООО «Skifiya-print».
- Gornaeva, S. V. (2012). Vina i styd v kontekste psikhologicheskoy regulyatsii social'nogo povedeniya lichnosti. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2 (33), 47–49.
- Zajchenko, A. A. (2009). Samopovrezhdayushchee povedenie. V E. V. Burenkova (red.), *Psihologiya telesnosti: teoreticheskie i prakticheskie issledovaniya: sbornik statej* (str. 191–195). PsyJournals.ru.
- Il'in, E. P. (2017). *Psihologiya sovesti: vina, styd, raskayanie*. Saint Petersburg: ООО Izdatel'stvo «Piter».

- Kochnova, E. N., Merinov, A. V., Volodin, B. Yu., Novikov, V. V. (2023). Autoagressivnye harakteristiki yunoshej i devushek, ispytyvayushchih otchyotlivye perezhivaniya styda sobstvennogo tela. *Suicidologiya*, 14 (1 (50)), 101–114. doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-01 (50)-101-114
- Kustov, G. V., Zinchuk, M. S., Pashnin, E. V., Vojnova, N. I., Popova, S. B. i dr. (2022). Izuchenie psichometricheskikh harakteristik russkoyazychnoj versii oprosnika PID-5-BF. *Psichologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, 19 (3), 521–542.
- Lebedinskij, V. V., Nikol'skaya, O. G., Baenskaya, E. R., Libling, M. M. (1990). *Emocional'nye narusheniya v detskom vozraste i ih korrekciya*. Moscow: Izdatel'stvo MGU.
- Levkovskaya, O. B., Shevchenko, Yu. S., Danilova, L. Yu., Grachev, V. V. (2017). Fenomenologicheskij analiz nesuicidal'nyh samopovrezhdenij u podrostkov. *Zhurnal nevrologii i psichiatrii im. S. S. Korsakova*, 117 (7), 10–15. https://doi.org/10.17116/jnevro20171177110-15
- Lezhenina, T. I. (2021). Osobennosti emocional'noj sfery sklonnyh k suicidu podrostkov. V V. A. Lipatov (red), *Nauchnaya iniciativa v psichologii: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov studentov i molodyh uchenykh* (str. 108–112). Kursk: Kurskij gosudarstvennyj medicinskij universitet.
- Makogon, I. K., Enikolopov, S. N. (2015). Aprobaciya metodiki izmereniya chuvstv viny i styda (Test of self-conscious Affect-3 - TOSCA-3) Tangney J. P., Dearing R. L., Wagner P. E. & Gramzow R. H. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psichologiya*, 8 (1), 6–21.
- Padun, M. A. (2015). Reguljaciya emocij i ee narusheniya. *Psichologicheskie issledovaniya*, 8 (39), https://doi.org/10.54359/ps.v8i39.572
- Potter-Efron, R. T. (2002). *Styd, vina i alkogolizm: klinicheskaya praktika*. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovanij.
- Pyr'ev, E. A. Ocheretina, Yu. A. (2020). Emocional'nye motivy suicidal'nogo povedeniya podrostkov. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sociologiya*, 4, 596–609.
- Samsonova, G. O., Yazykova, T. A., Agasarov, L. G. (2018). Psichologicheskie aspekty alimentarnogo ozhireniya (obzor literatury). *Vestnik novykh medicinskih tekhnologij*, 12 (3), 133–139. https://doi.org/10.24411/2075-4094-2018-16027
- Smotrova, T. N., Chaplygina, A. A. (2018). Vina i styd kak reguljatory social'nogo povedeniya. V L. V. Kashicina (red.), *Aktual'nye problemy bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti i fizicheskoy kul'tury: sbornik nauchnyh statej fakul'teta fizicheskoy kul'tury i bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti* (str. 224–230). Saratov: Izdatel'stvo «Saratovskij istochnik».
- Sycheva, T. Yu., Sultanova, A. N., Slugin, A. V., Kustova, E. A. (2020). Kliniko-psichologicheskie osobennosti lic s narusheniyami pishchevogo povedeniya. V M. G. Chuhrova (red.), *Bezopasnost' cheloveka v ekstremal'nykh klimato-ekologicheskikh i social'nykh usloviyah: materialy XI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Novosibirsk, 05–08 maya 2020 g., str. 159–165). Novosibirsk: Sibirskij institut prakticheskoy psichologii, pedagogiki i social'noj raboty.
- Furmanov, I. A. (2021). Styd i vina kak moral'nye reguljatory agressivnogo povedeniya. V *Psichologicheskij Vademecum: socializaciya lichnosti v usloviyah neopredelennosti: regional'nyj aspekt: sbornik nauchnyh statej* (str. 30–33). Vitebsk: Vitebskij gosudarstvennyj universitet im. P. M. Masherova.
- Haer, R. (2021). *Lishennye sovesti. Pugayushchij mir psihopatov*. Moscow: Izdatel'stvo «Vil'yams».
- Bachtelle, S. E., & Pepper, C. M. (2015). The Physical Results of Nonsuicidal Self-Injury: The Meaning Behind the Scars. *J Nerv Ment Dis*, 203 (12), 927–933. https://doi.org/10.1097/NMD.0000000000000398
- Baechler, J. (1979). *Suicides*. New York, NY: Basic Books.
- Berghold, K. M., & Lock, J. (2002). Assessing guilt in adolescents with anorexia nervosa. *Am J Psychother*, 56 (3), 378–390. https://doi.org/10.1176/appi.psychotherapy.2002.56.3.378

- Blythin, S. P. M., Nicholson, H. L., Macintyre, V. G., Dickson, J. M., Fox, J. R. E., & Taylor, P. J. (2020). Experiences of shame and guilt in anorexia and bulimia nervosa: A systematic review. *Psychol. Psychother*, 93 (1), 134–159. <https://doi.org/10.1111/papt.12198>
- Breed, W. (1972). *Five Components of a Basic Suicide Syndrome*. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 2 (1), 3–18. <https://doi.org/10.1111/j.1943-278X.1972.tb00451.x>
- Brevard, A., Lester, D., & Yang, B. J. (1990). A comparison of suicide notes written by suicide completers and suicide attempters. *Crisis*, 11 (1), 7–11.
- Burney, J., & Irwin, H. J. (2000). Shame and guilt in women with eating-disorder symptomatology. *J. Clin. Psychol*, 56 (1), 51–61. [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1097-4679\(200001\)56](https://doi.org/10.1002/(sici)1097-4679(200001)56)
- Cardi, V., Di Matteo, R., Gilbert, P., & Treasure, J. (2014). Rank perception and self-evaluation in eating disorders. *International Journal of Eating Disorders*, 47 (5), 543–552. <https://doi.org/10.1002/eat.22261>
- Cavalera, C., Pagnini, F., Zurloni, V., Diana, B., & Realdon et al. (2016). Shame proneness and eating disorders: a comparison between clinical and non-clinical samples. *Eat Weight Disord*, 21 (4), 701–707. <https://doi.org/10.1007/s40519-016-0328-y>
- Crowe, M. (2004). Never good enough, part 1: shame or borderline personality disorder? *J. Psychiatr. Ment. Health Nurs*, 11 (3), 327–334.
- Davitz, J. R. (1969). *The language of emotion*. New York: Academic Press.
- Diagnostic and statistical manual of mental disorders: DSM-5™, 5th ed.* (2013). <https://doi.org/10.1176/appi.books.9780890425596>
- Doran, J., & Lewis, C. A. (2012). Components of shame and eating disturbance among clinical and non-clinical populations. *Eur Eat Disord Rev.*, 20 (4), 265–270. <https://doi.org/10.1002/erv.1142>
- Duggan, J., Heath, N., & Hu, T. (2015). Non-suicidal self-injury maintenance and cessation among adolescents: a one-year longitudinal investigation of the role of objectified body consciousness, depression and emotion dysregulation. *Child Adolesc Psychiatry Ment. Health*, 9 (1), 1–12. <https://doi.org/10.1186/s13034-015-0052-9>
- Favaro, A., & Santonastaso, P. (2000). Self-injurious behavior in anorexia nervosa. *Journal of Nervous and Mental Disease*, 188 (8), 537–542. <https://doi.org/10.1097/00005053-200008000-00010>
- Foster, T. (2003). Suicide note themes and suicide prevention. *Int J Psychiatry Med*, 33 (4), 323–331. <https://doi.org/10.2190/T210-E2V5-A5M0-QLJU>
- Glassman, L. H., Weierich, M. R., Hooley, J. M., Deliberto, T. L., & Nock, M. K. (2007). Child maltreatment, non-suicidal self-injury, and the mediating role of self-criticism. *Behaviour Research and Therapy*, 45 (10), 2483–2490. <https://doi.org/10.1016/j.brat.2007.04.002>
- Harder, D. W., Rockart, L., & Cutler, L. (1993). Additional validity evidence for the Harder Personal Feelings Questionnaire-2 (PFQ2): a measure of shame and guilt proneness. *J. Clin. Psychol.*, 49 (3), 345–348.
- Harder, D. W., Strauss, J. S., Kokes, R. F., & Ritzler, B. A. (1984). Self-derogation and psychopathology. *Genetic Psychology Monographs*, 109 (2D Half), 223–249.
- Kaplan, H. B. (1975). Increase in self-rejection as an antecedent of deviant responses. *Journal of Youth and Adolescence*, 4, 281–292. <https://doi.org/10.1007/BF01537168>
- Kim, S., Thibodeau, R., & Jorgensen, R. S. (2011). Shame, guilt, and depressive symptoms: a meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 137 (1), 68–96. <https://doi.org/10.1037/a0021466>
- Klonsky, E. D. (2009). The functions of self-injury in young adults who cut themselves: Clarifying the evidence for affect-regulation. *Psychiatry Research*, 166 (2–3), 260–268. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2008.02.008>
- Lewis, H. B. (1971). *Shame and guilt in neurosis*. New York: International Universities Press.

- Lieb, K., Zanarini, M. C., Schmahl, C., Linehan, M. M., & Bohus, M. (2004). Borderline personality disorder. *Lancet*, 364 (9432), 453–461. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(04\)16770-6](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(04)16770-6)
- Messner, B. A., & Buckrop, J. J. (2000). Restoring order: Interpreting suicide through a Burkean lens. *Communication Quarterly*, 48 (1), 1–18. <https://doi.org/10.1080/01463370009385575>
- Milligan, R.-J., & Andrews, B. (2005). Suicidal and other self-harming behaviour in offender women: The role of shame, anger and childhood abuse. *Legal and Criminological Psychology*, 10 (1), 13–25. <https://doi.org/10.1348/135532504X15439>
- Nathanson, D. (1992). *Shame and Pride: Affect, Sex, and the Birth of the Self*. New York: Norton.
- Nock, M. K. (2009). Why do people hurt themselves? New insights into the nature and functions of self-injury. *Current Directions in Psychological Science*, 18 (2), 78–83. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8721.2009.01613.x>
- Ollivier, F., Soubelet, A., Duhem, S., & Thümmel, S. (2022). Shame and guilt in the suicidality related to traumatic events: A systematic literature review. *Front Psychiatry*, 13, 951632. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.951632>
- Oluyori, T. (2013). Research Paper A systematic review of qualitative studies on shame, guilt and eating disorders. *Counselling Psychology Review*, 28, 47–59. <https://doi.org/10.53841/bp-scpr.2013.28.4.47>
- Paul, T., Schroeter, K., Dahme, B., & Nutzinger, D. O. (2002). Self-injurious behavior in women with eating disorders. *Am J Psychiatry*, 159 (3), 408–411. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.159.3.408>
- Rockenberger, W., & Brauchle, G. (2011). The significance of shame in different diagnosis groups, with a focus on body shame. *Verhaltenstherapie*, 21 (3), 163–169. <https://doi.org/10.1159/000330732>
- Schoenleber, M. L. (2013). *Testing alternative motivational models for self-injurious behavior*: dissertation, pp.12–21. Urbana, Illinois.
- Schoenleber, M. L., & Berenbaum, H. (2012). Shame regulation in personality pathology. *Journal of Abnormal Psychology*, 121 (2), 433–446. <https://doi.org/10.1037/a0025281>
- Sheehy, K., Noureen, A., Khaliq, A., Dhingra, K., & Husain, N. et al. (2019). An examination of the relationship between shame, guilt and self-harm: A systematic review and meta-analysis. *Clin Psychol Rev.*, 73, 101779. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2019.101779>
- Shneidman, E. S. (1996). *The suicidal mind*. New York: Oxford University Press.
- Tangney, J. P., & Dearing, R. L. (2002). *Shame and guilt*. Guilford Press. <https://doi.org/10.4135/9781412950664.n388>
- Taylor, P. J., Jomar, K., Dhingra, K., Forrester, R., Shahmalak, U., & Dickson, J. M. (2018). A meta-analysis of the prevalence of different functions of non-suicidal self injury. *Journal of Affective Disorders*, 227, 759–769. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2017.11.073>
- Van Orden, K. A., Witte, T. K., Cukrowicz, K. C., Braithwaite, S. R., Selby, E. A., & Joiner, T. E. (2010). The interpersonal theory of suicide. *Psychological Review*, 117 (2), 575–600. <https://doi.org/10.1037/a0018697>
- VanDerhei, S., Rojahn, J., Stuewig, J., & McKnight, P. E. (2014). The effect of shame-proneness, guilt-proneness, and internalizing tendencies on nonsuicidal self-injury. *Suicide Life Threat Behav*, 44 (3), 317–330. <https://doi.org/10.1111/sltb.12069>
- Wiklander, M., Samuelsson, M., Jokinen, J., Nilsonne, A., & Wilczek et al. (2012). Shame-proneness in attempted suicide patients. *BMC Psychiatry*, 12 (50). <https://doi.org/10.1186/1471-244X-12-50>

Информация об авторах

Сергей Владимирович Горбатов – ведущий специалист Регионального центра судебной экспертизы, кандидат психологических наук, доцент.

Елена Николаевна Арбузова – доцент кафедры психологии кризисных и экстремальных ситуаций Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент.

Вера Владимировна Тураносова – ассистент кафедры психологии кризисных и экстремальных ситуаций Санкт-Петербургского государственного университета.

About the authors

Sergey V. Gorbatov – Leading specialist at the Regional Centre for Forensic Examination, Cand. Sci. (Psy.), Docent.

Elena N. Arbuzova – Associate Professor of the Department of Psychology of Crisis and Extreme Situations, Saint Petersburg State University, Cand. Sci. (Psy.), Docent.

Vera V. Turanosova – Assistant of the Department of Psychology of Crisis and Extreme Situations, Saint Petersburg State University.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 18.06.2025

Одобрена после рецензирования 12.09.2025

Опубликована 28.10.2025

Submitted June 18, 2025

Approved after reviewing September 12, 2025

Accepted October 28, 2025